

Из новых открытій въ области древней церковной исторіи ¹⁾).

5. Слѣды первохристіанства на греческихъ островахъ.

Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный нѣмецкій ученый Ахелисъ напечаталъ статью въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Urchristentum (1900, I, ss. 87—100)“, наводящую на многіе любопытные выводы. Поводомъ къ статьѣ послужили недавно найденныя на островахъ Эгейскаго моря въ довольно большомъ количествѣ христіанскія надписи, лежащія теперь въ хорошо упорядоченномъ и обработанномъ видѣ въ „Corpus inscriptionum graecorum insularum maris Aegaei“, изданномъ Гиллеромъ фонъ-Гертрингеномъ. Изъ многочисленныхъ надписей, собранныхъ этимъ ученымъ, Ахелисъ останавливается своимъ вниманіемъ только на нѣкоторыхъ, выделяющихся какъ своимъ особеннымъ содержаніемъ, такъ и древностью происхожденія (первый—второй вѣкъ по Р. Х.). Мы приведемъ только тѣ изъ нихъ, которыя вызываютъ къ себѣ наибольшій интересъ. Надписи, найденныя на о. Родосѣ:

672. Дамонассы νεωτέρας (молодой или новички)

674. За душу Хрисавфіа чтеца

675. εὐχῆς

Дафны и бога...

архіереѣ (далѣе почти не поддающіяся разбору

слова:

δουτομιστεχρον ²⁾)

¹⁾ Окончаніе. См. Октябрь, Бог. Вѣстн. 1905 г.

²⁾ Издатель предлагаетъ такое чтеніе: αὐτοῖς δ' ἄμα τέχρον.

Досифея покоится

οηρος ¹⁾ *εвангелистъ* (*εβαγγελιστης*)

увы, несчастный!

Въ надписяхъ, найденныхъ на Терѣ и о. Тераизѣ, обращаетъ на себя вниманіе вѣра въ ангеловъ-охранителей. Она наблюдается на 44 надгробныхъ памятникахъ разныхъ эпохъ, причемъ сначала стоитъ слово: ангелъ, а за нимъ слѣдуетъ имя умершаго въ родительномъ падежѣ. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ:

933. Ангелъ Епикты *пресвитиды* (*προεβυτιδος*)

944. Ангелъ Зосимы

Αφροισα ²⁾ Руфина своего собственнаго сына.

Надписи въ Терѣ открыты въ двухъ кладбищахъ въ общемъ похоронномъ мѣстѣ, находящемся въ долинѣ Селладо, недалеко отъ города Тера. Это показываетъ, что въ ~~ономъ~~ городѣ существовала христіанская община. Другія надписи свидѣтельствуютъ, что христіанская вѣра нашла себѣ приверженцевъ и на близъ лежащемъ островѣ Теразіи. Палеографическія особенности надписей побудили еще перваго издателя ихъ Гиллера высказаться за принадлежность ихъ первому столѣтію христіанской эры. Дата эта подтверждается и отсутствіемъ на нихъ извѣстныхъ изъ болѣе позднѣйшаго времени отличій христіанской эпиграфики;— монограммы Христа или креста въ началѣ, какъ это наблюдается: и въ надписяхъ, найденныхъ въ той же Терѣ, но принадлежащихъ болѣе поздней эпохѣ. Но почему же эти надписи должны быть признаны христіанскими? На такое происхожденіе ихъ указываетъ, конечно, исповѣдуемая въ нихъ вѣра въ ангеловъ, и всѣ ученые, разсматривавшіе ихъ ранѣе, и самъ Гиллеръ не усумнились на этомъ только одномъ основаніи приписать имъ христіанскій характеръ. Дѣйствительно, вѣра, что каждый христіанинъ имѣетъ своего ангела хранителя, была широко распространена въ христіанствѣ. У Швицера въ его „Thesaurus“ ³⁾ собранъ богатый матеріалъ по этой части, хотя и изъ позднѣйшихъ писателей, но что и древніе христіане раздѣляли это вѣрованіе, о томъ ясно свидѣтельствуется одинъ рассказъ въ книгѣ Дѣяній (12, 15). Когда

¹⁾ Полагаютъ: *ο ιερός*.

²⁾ Значеніе указано будетъ ниже.

ап. Петръ, чудесно спасенный изъ темницы, пришелъ къ дому Маріи и объявилъ о своемъ имени служанкѣ, собравшіяся въ домѣ не повѣрили ей: „въ своемъ-ли ты умѣ?—сказали они,—навѣрно это ангель его“. Въ твореніяхъ Оригена оно упоминается, какъ общее вѣрованіе всѣхъ христіанъ ¹⁾. Особой формой этой распространенной у христіанъ ангелологии и является убѣжденіе, часто высказываемое въ надписяхъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, что ангель, заботящійся о христіанинѣ въ теченіи его жизни, по смерти его продолжаетъ охранять гробъ его отъ профанаци и поруганія. Въ этомъ отношеніи, по ясности выраженія, заслуживаетъ вниманія надпись, найденная на о. Мелосѣ, хотя она и принадлежитъ позднѣйшему времени.

1238. Въ Господѣ.

„Достойные всякой памяти пресвитеры Асклиписъ и Елпизонъ и Асклеподотъ и Агалпазисъ діаконь и Евтихія дѣвственница и Клавдіана дѣвственница и мать ихъ Евтихія покоятся здѣсь; такъ какъ эта могила наполнена, то заклинаю стоящимъ здѣсь ангеломъ, чтобы никто не смѣлъ никого класть сюда. Иисусе Христе, помоги пишущему со всеѣмъ его семействомъ ²⁾“.

Собранныя Гиллеромъ надписи даютъ возможность сдѣлать еще нѣсколько другихъ интересныхъ наблюдений касательно этой вѣры. Упомянутіе имени ангела казалось столь важнымъ, что иногда находили не нужнымъ называть даже имени умершаго, довольствуясь только обозначеніемъ слова: ангель. Кроме того, хотя по вѣрѣ каждый христіанинъ имѣетъ своего отдѣльнаго ангела-хранителя, однако для охраны мѣста погребенія считалось достаточной защита одного ангела. Такъ, въ сейчасъ приведенной надписи изъ Мелоса призывается одинъ ангель въ то время, какъ въ могилѣ покоилось четверо мужчинъ и три женщины; тоже встрѣчается и въ другихъ надписяхъ.

Оригинальный образецъ смѣшенія христіанской вѣры въ

¹⁾ См. Huetius. Origeniana (у Lommatzsch's'a, XXII, 324).

²⁾ Здѣсь характерно смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ именъ и притомъ у лицъ іерархическаго званія. Если надпись, дѣйствительно, принадлежитъ послѣ—Константиновской эпохѣ, то значить употребленіе языческихъ именъ со стороны христіанъ, продолжалось и въ этомъ періодѣ торжества христіанства. (*Прим. автора статьи*).

ангеловъ съ языческимъ культомъ героевъ предлагаетъ выше приведенная надпись 942: „Ангель Зосима. Я, Руфина, возвела въ герои (*ἀφ'ηρώϊα*) своего собственнаго сына“. Рѣдко можно встрѣтить столь сильное противорѣчіе на такомъ небольшомъ мѣстѣ! Своеобразность надписи такъ поразила перваго издателя ея, что онъ ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли здѣсь допустить дѣйствіе двухъ рукъ языческой и христіанской? Однако,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу Ахелисъ,—такое предположеніе, къ тому же ничѣмъ невызываемое, было бы еще удивительнѣе, чѣмъ самый текстъ надписи, допускающей для себя вполне удовлетворительное объясненіе. Вѣра въ ангеловъ тѣсно соприкасалась съ культомъ героевъ, который именно въ Терѣ наблюдается даже въ позднѣйшее время въ своей простѣйшей, первоначальной формѣ,—въ формѣ почитанія предковъ, въ силу которой каждая душа по разлученіи съ тѣломъ становится духомъ покровителемъ. Надписи часто намекаютъ читателю, что повогребенный зачисленъ въ разрядъ боговъ. Это древнее представленіе объ обожествленной душѣ оставалось живымъ на отдаленномъ островѣ и составило благопріятную почву для распространенія христіанской вѣры въ ангеловъ. Для Руфины не было никакого противорѣчія въ томъ, что она почитала своего сына, какъ полубога, и въ тоже время вѣрила, что ангель охраняетъ гробъ ея, подобно тому, какъ напр. карпократіане отнюдь не хотѣли опозорить свое христіанство, когда они построили умершему сыну своего основателя, семнадцатилѣтнему юношѣ Епифанію, храмъ, въ которомъ они поклонялись ему наряду со Христомъ, Платономъ, Пифагоромъ и Аристотелемъ.

Но вѣра въ ангеловъ можетъ-ли служить достаточнымъ ручательствомъ за христіанское происхожденіе надписей? Извѣстно, что христіане свою ангелологію заимствовали отъ іудеевъ, пропаганда которыхъ несомнѣнно распространялась и на берега Эгейскаго моря ¹⁾; невѣроятнѣе-ли считать ихъ памятниками іудейскаго прозелитизма? Противъ іудейскаго происхожденія надписей прежде всего говоритъ то, что въ нихъ ни однимъ словомъ не упомянуты ни іудейскія общины, ни ихъ предстоятели. Іудейство было дозволенной религіей

¹⁾ Schurer, Geschich. d. judisch. Volks, III, s. 27; Anm. 68. 69.

и не имѣло никакихъ побужденій молчать о своемъ существованіи, какъ это и видно изъ многочисленныхъ надписей, принадлежащихъ иудейству ¹⁾. Напротивъ, для древнѣйшаго христіанства то и характеристично, что они или умалчивали о своемъ происхожденіи или отмѣчали его въ какихъ-либо прикровенныхъ формахъ, доступныхъ пониманію только для единовѣрцевъ. Въ періодъ гоненій самыя условія жизни заставляли христіанъ по возможности скрывать себя отъ всякаго посторонняго вниманія, какъ это и показываетъ древнехристіанская эпиграфика. Замѣчательно, далѣе, что единственный титулъ, встрѣчающійся въ рассматриваемыхъ надписяхъ, — „пресвитерида“, указываетъ на христіанское должностное лицо; хотя и въ иудействѣ, въ синагогахъ разсѣянія, женщины играли важную роль; имъ усвоился почетный титулъ матерей синагогъ, — по пресвитериссы, какъ и пресвитеры встрѣчаются тамъ только въ позднѣйшее время²⁾. Напротивъ, уже при самой зарѣ христіанства употребленъ титулъ пресвитериссы (Тит. 2, 3).

Пресвитида Епикта изъ Теры само собой отсылаетъ къ *πρωτοῦ* (новичкѣ) на о. Родосѣ, имѣющей въ своемъ обществѣ чтеца Хрисанфія и евангелиста. Евангелистъ, чтець, пресвитида и новичка — этими штрихами уже намѣчается для насъ образъ первоначальной христіанской общины. Правда, при первомъ сопоставленіи пресвитиды съ *πρωτοῦ* ей невольно приходитъ на мысль то предположеніе, что въ первомъ случаѣ имѣется въ виду просто женщина старшая возрастомъ, а во второмъ сравнительно молодая. Извѣстно, что уже въ апостольскія времена члены христіанскихъ общинъ дѣлились по тѣмъ естественнымъ состояніямъ, въ какихъ они были обращены въ христіанство. Первое посланіе къ Тимоѳею послѣдовательно описываетъ, какъ представитель общины долженъ поступать въ отношеніи къ старымъ и юнымъ мужамъ и старымъ и молодымъ женщинамъ (2, 2 сл.); подобные перечни встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ древности, какъ напр. въ 1 посл. Петра (2 сл.), посланіи Климента Римскаго къ Коринѳянамъ и пр. Позднѣйшіе источники (напр. Дидаскалія) показываютъ,

1) Ziebarth. Die griechische Vereinwesen Leipzig, 1896, s. 121.

2) Schurer, ibid., s. 51.

что этотъ распрядокъ изъ области простыхъ и личныхъ отношеній перенесенъ былъ въ богослуженіе и опредѣлялъ собой мѣста, какія должны были занимать вѣрующія въ храмѣ. Нельзя-ли, поэтому, думать, что пресвитида надписи означаетъ собой женщину, стоящую во главѣ класса старыхъ женщинъ, а терминъ *υεωτερᾶ* указываетъ на женщину, принадлежавшую къ группѣ молодыхъ? Но при такомъ предположеніи было бы непонятно, почему одна только Епикта названа пресвитидой? Почему въ надписяхъ другихъ женскихъ именъ, найденныхъ въ той же Терѣ, нѣтъ подобныхъ или аналогичныхъ отгѣтокъ: вдова, дѣвственница и пр.? Очевидно, нужно искать другой путь для объясненія интересующихъ насъ терминовъ.

Новѣйшія изслѣдованія по начальной исторіи распространенія христіанства и организациі перво-христіанскихъ общинъ достаточно ясно показали, какая великая роль въ этой области выпала на долю женщинъ ¹⁾. Это былъ вѣкъ духовныхъ дарованій, когда практически осуществлялось благовѣстіе ап. Павла, что во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго. Духъ дѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ, и надѣлялъ своими дарами не только мужей, но и женщинъ. Женщины открыто выступали на богослужебныхъ собраніяхъ, молились духомъ, пророчествовали ²⁾ и говорили языками ³⁾. И изъ среды женщины Онъ выдѣлялъ лицъ, развивавшихъ широкую дѣятельность въ качествѣ миссіонершъ, учителей-

¹⁾ Дальнѣйшій отгѣлъ о женщинахъ апостольскаго вѣка принадлежитъ автору этой статьи.

²⁾ 1 Кор., 16, 5. Отмѣченному здѣсь факту повидимому противорѣчатъ слова Апостола въ 14, 34: „жены ваши въ церквахъ пусть молчатъ, потому что не позволено имъ говорить; если хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ дома у мужей, ибо не прилично женщинѣ говорить въ церкви“. Противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только тѣмъ необходимымъ предположеніемъ, что въ первомъ случаѣ разумѣются молитвы и пророчества харизматическаго характера, надъ которыми никто власти не имѣлъ, во второмъ же бесѣды и разсужденія, какія возникали при общественныхъ собраніяхъ по поводу того или другого вопроса. Ссылка на „законъ“ показываетъ, что ап. Павелъ стоитъ здѣсь на іудейской точкѣ зрѣнія.

³⁾ Въ гл. 14 о дарѣ языковъ ап. Павелъ говоритъ безотносительно къ мужчинамъ и женщинамъ, разумѣя всѣхъ вѣрующихъ. Болѣе опредѣленные указаанія на даръ языковъ, присущій и женщинамъ, можно читать въ такъ называемыхъ Клементинахъ.

ницъ и основательницъ частныхъ церквей. Посланія ап. Павла, можно сказать, полны благодарными воспоминаніями о разныхъ женщинахъ, оказавшихъ то или другое содѣйствіе проповѣданію слова Божія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе выдѣляется 16-я глава посланія къ Римлянамъ: она вся занята перечисленіемъ по именамъ разныхъ женщинъ, заявившихъ о себѣ извѣстнаго рода трудами въ области распространенія христіанства или личными услугами въ отношеніи къ ап. Павлу. Прежде всего онъ рекомендуетъ „сестру нашу“, *Фиву, служительницу (διάκονον)* церкви Кегхрейской: она была, говоритъ апостоль, *помощницею (προστάτις)* многимъ и мнѣ самому (ст. 1—2). Далѣе ¹⁾, онъ привѣтствуетъ Маріамъ, „которая много трудилась для насъ (ст. 6)“ и Юнію, быть можетъ, жену Андроника, „сродницу и соузницу мою, прославившуюся между апостолами (ст. 7)“,— то-есть, послѣднюю прямо зачисляетъ въ рядъ апостоловъ ²⁾,— *Трифену и Трифозу*, трудящихся о Господѣ,—*Персиду* возлюбленную, которая много потрудила о Господѣ (ст. 12), *мать Руфа* („и мою—ст. 13), *Юлію и сестру Нерее*, стоявшихъ во главѣ общины вѣрующихъ въ Римѣ (ст. 15). Названо цѣлыхъ восемь женщинъ (а причисляя Прискиллу девять), которыхъ ап. Павелъ считалъ достойными того, чтобы отдѣльно наименовать ихъ въ слухъ всей общины и этимъ воздать имъ благодарность за ихъ сотрудничество ему. Посланіе къ Филиппійцамъ вообще не блещетъ количествомъ именъ, но здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два имени,—и оба женскія: „умоляю Еводию,—пишетъ здѣсь ап. Павелъ (4, 2. 3),—умоляю Синтихію мыслить тоже о Господѣ; ей прошу и тебя, истинный сотрудникъ, помогай имъ подвизавшимся въ благовѣстіи вмѣстѣ со мной и съ Климентомъ и прочими сотрудниками моими, имена которыхъ въ книгѣ жизни“. Обѣихъ женщинъ ап. Павелъ называетъ своими „сподвижниками и сотрудниками“ въ благовѣстіи

1) Опускаемъ Прискиллу и Акилу, о которыхъ ниже.

2) Слово „апостоль“ въ древней церкви имѣло широкой смыслъ. Оно означало собой не только апостоловъ, призванныхъ Христомъ, но и рядъ другихъ лицъ (простыхъ мірянъ), получавшихъ особый даръ отъ Духа и обладавшихъ полномочіями апостоловъ. „Юлія прославилась среди апостоловъ“—это значитъ, что въ распространеніи христіанства она дѣйствовала, какъ апостоль.

слова Божія въ Филиппахъ; очевидно, они были вмѣстѣ съ апостоломъ основательницами этой общины и пользовались въ ней столь высокимъ авторитетомъ, что ставятся на ряду съ Климентомъ и другими, „имена которыхъ въ книгѣ жизни“. Такой же характеръ, безъ сомнѣнія, носила на себѣ дѣятельность Нимфы въ Лаодикии, упоминаемой въ посланіи къ Колоссаемъ съ ея домашней церковью (4, 15) ¹⁾ и Хлои (*οἱ Χλόης*—1 Кор. 1, 11), отъ которой ап. Павелъ получилъ извѣстія о безпорядкахъ въ Коринѣ. Но въ свѣдѣніяхъ апостольскаго времени ни одна женщина не выступаетъ въ такой яркой окраскѣ, какъ Прискилла съ мужемъ ея Акилой. Уже одинъ тотъ фактъ, что источники всюду рядомъ съ Акилой отмѣчаютъ и имя его жены, при чемъ въ двухъ мѣстахъ Прискилла ставится впередъ своего мужа (Рим. 16, 3; 2 Тим. 4, 19) показываетъ, что здѣсь женщинѣ принадлежала передовая роль. Въ посланіи къ Римлянамъ ап. Павелъ въ такихъ восторженныхъ словахъ характеризуетъ ихъ заслуги въ области распространенія евангелія: „привѣтствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудниковъ моихъ во Христѣ Исусѣ, которые голову полагали за душу мою, которыхъ не одинъ я благодарю, но *всѣ церкви* изъ язычниковъ (16, 3. 4)“. На какой героическій поступокъ намекаетъ апостоль въ словахъ: „голову полагали пр.“, неизвѣстно, но изъ выраженія „всѣ церкви“ ясно, что ихъ дѣятельность носила вселенскій характеръ. Жена здѣсь поставлена на первомъ планѣ, и, потому, ей въ первой степени принадлежитъ та благодарность, какую высказываетъ апостоль. И дѣйствительно, комбинируя извѣстія, разсѣянные по книгѣ Дѣяній и посланіямъ ап. Павла, легко убѣдиться, что миссіонерскіе труды этой пары захватывали, если не всѣ, то многія христіанскія общины. Павелъ познакомился съ ними въ первое путешествіе свое по прибытіи въ Коринѣ; эдиктъ Клавдія изгналъ ихъ изъ Рима; Акила и Прискилла были повидимому, уже христіанами, такъ какъ объ обращеніи ихъ нигдѣ не упоминается въ Дѣяніяхъ. Павелъ поселился у

¹⁾ *Ἀπολόστοθε... Νυμφῶν καὶ κατ' οἶκον αὐτῆς Ἐκκλησίαν* (Нимфу и домашнюю церковь ея),—читаетъ А. Гарнакъ въ „Die Mission und Ausbreitung d. Christentums“, s. 397; Anm. 3. Въ русскомъ и славянскомъ Нимфанъ (мужское имя).

нихъ и, пока велъ проповѣдь, жилъ въ ихъ домѣ, занимаясь изготовленіемъ палатокъ (Дн. 18, 2. 3). Уже и здѣсь они заявили о себѣ значительною дѣятельностью и стали извѣстны всей общинѣ; позднѣе ап. Павелъ въ 1-мъ посланіи къ коринѳянамъ посылаетъ туда особо сердечное привѣтствіе отъ нихъ (16, 19). Изъ Коринѳа они сопутствовали апостолу въ Ефесъ, откуда Павелъ, не смотря на просьбы ихъ, тотчасъ отправился въ Иерусалимъ (Дн. 18, 19—20), оставивъ зародившуюся общину на попеченіи этой пары. И она оправдала его ожиданія. Въ отсутствіи Павла въ Ефесъ пришелъ Аполлосъ, родомъ изъ Александріи, мужъ краснорѣчивый и свѣдущій въ писаніяхъ. Онъ уже былъ наставленъ въ начаткахъ пути Господня и, *горя духомъ, говорилъ и училъ* о Господѣ правильно, зная только крещеніе Іоанново. Акила и Прискилла приняли его къ себѣ и точнѣе объяснили ему путь Господень (Дн. 18, 24—26). Что въ этомъ замѣчательномъ событіи Прискиллѣ принадлежитъ передовое мѣсто, видно уже изъ того, что она здѣсь названа по имени, и на этомъ основаніи Іоаннъ Златоустъ въ своемъ перифразѣ книги Дѣяній именно Прискиллѣ приписываетъ это дѣло ¹⁾. Она „точнѣе (*ἀκριβέστερον*)“ объяснила ему путь Господень—эта фраза предполагаетъ болѣе или менѣе продолжительное собесѣдованіе... Какими же широкими познаніями и какой глубокой вѣрой должна была обладать эта женщина, если она умѣла раскрыть пути Господни и убѣдить такого философски образованнаго и выдающагося мужа, какъ Аполлосъ! Когда Аполлосъ вознамѣрился отправиться въ Ахаію, то Прискилла и Акила предпослали ему письмо къ коринѳскимъ христіанамъ, чтобы расположить ихъ къ хорошему приему новообращеннаго. Замѣтимъ, что это ихъ благовѣстническіе труды въ Ефесѣ имѣли мѣсто нѣсколько раньше, чѣмъ ап. Павелъ явился сюда съ подробною проповѣдью.—Изъ Ефеса они ушли въ Римъ и здѣсь также предвосхитили дѣло ап. Павла. Когда онъ писалъ свое посланіе къ Римлянамъ, онъ еще не былъ въ Римѣ;

¹⁾ См. интересную статью А. Гарнака: „Probabilia uber die Adresse und den Verfasser des Hebräerbief“, въ Zeitschr. für neut. Wiss. 1900. 18—41, гдѣ онъ пытается доказать, что авторомъ посланія къ Евреямъ была Прискилла. Откуда имъ взята цитата изъ Златоуста, въ статьѣ не указано.

онъ только еще намѣревался туда прійти, но тамъ Акила и Прискилла, которыхъ онъ привѣтствуетъ въ посланіи, успѣли пріобрѣсти домашнюю церковь (16, 3). При своемъ посѣщеніи Рима, онъ уже не засталъ ихъ здѣсь; они дѣйствовали снова на востокъ въ обществѣ Тимофея, въ посланіи къ которому онъ и привѣтствуетъ ихъ, ставя Прискиллу опять на первомъ мѣстѣ (2, 4, 19). Они обошли, такимъ образомъ, всю тогдашнюю „вселенную“, повсюду являясь предтечами ап. Павла.

Какое же положеніе занимали эти женщины въ древне-христіанской, апостольской общинѣ? Должной организаціи тогда еще не существовало; религиозное назиданіе и управленіе общинъ покоилось на свободной дѣятельности вѣрующихъ, изъ которыхъ каждый приносилъ свой вкладъ въ общую службу, смотря по своимъ силамъ и способностямъ Господствовалъ не законъ, а духъ. Всѣ пріяли Духа святаго безъ различія пола и возраста (Дн. 2, 17. 18), всѣ получили право именоваться сынами Божиими и стали братьями и сестрами во Христѣ. Теперь уже не было ни іудея, ни еллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго, но всѣ составили одно (Гал. 3, 28). Но это равенство и братство, покрывавшее всѣ отношенія, не исключало развитія дарованій. Духъ одинъ и тотъ же, но дары различны, а служенія различны, и дѣйствія различны (1 Кор. 12, 4—5). Въ числѣ этихъ служеній значится и даръ „управленія“. Одно уже названіе „даръ“ управленія показываетъ, что здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть какой-либо опредѣленной, правовой и оформленной должности, и это положеніе подтверждается всемъ, что мы случайно узнаемъ отъ ап. Павла объ этомъ служеніи. Появленіе лицъ, осуществлявшихъ даръ управленія, вызывалось жизненными потребностями. Всякая община, какъ бы она ни была малочисленна, въ самой себѣ должна была имѣть центръ, около котораго она могла бы сосредоточиться. Возникалъ какой-либо вопросъ, нужно было, чтобы кто-нибудь созвалъ общину, руководилъ ея разсужденіями и формулировалъ рѣшеніе. Составлялось-ли богослужебное собраніе, опять требовался какой-либо распорядитель,—одно или нѣсколько лицъ,—который слѣдилъ бы за порядкомъ, распредѣлялъ произношеніе проповѣдей, молитвъ и пророчествъ и указывалъ мѣста на

вечери. Приходилъ ли вѣстникъ изъ другой общины, предстояла ли необходимость подать помощь бѣднымъ или собрать общую сумму на какую-либо надобность, опять нужно было какое-нибудь уполномоченное отъ общины лицо, которое выполняло бы всѣ связанныя съ этими нуждами обязанности. Такъ, въ силу естественной необходимости въ каждой общинѣ возникалъ классъ людей, принявшій на себя это служеніе управленія. У ап. Павла они называются различными именами: *προεστῶτες*, *προϊστάμενοι* (предстоящіе, 1 Тесс. 5, 12; 1 Тим. 5, 17), *ἡγούμενοι* (руководители, Евр. 13, 7), но уже самое разнообразіе приведенныхъ наименованій показываетъ, что подъ ними нельзя понимать какой-либо оформленной должности, надѣленной опредѣленными правами. Это—не власть, а служеніе (*διακονία*), — одно изъ тѣхъ многихъ служеній, какія несли и другіе члены общества ¹⁾,—которое ни мало не нарушало равенства и самоуправленія прочихъ членовъ общины, такъ какъ опиралось на добровольномъ признаніи и подчиненіи ихъ (ср. 1 Кор. 16, 66). Въ посланіи къ Солунянамъ апостолъ *проситъ* (не приказываетъ) братій: „уважать трудящихся у васъ (*τοὺς κοπιούτας ἐν ὑμῖν*) и предстоятелей вашихъ (*προϊσταμένους*) въ Господѣ, и вразумляющихъ васъ, и почитать ихъ преимущественно съ любовью за дѣло ихъ (5, 12)“²⁾. Предстоятели координируются здѣсь съ предшествующимъ „трудящиеся въ васъ“, что можетъ обозначать или служеніе словомъ (ср. 1 Кор. 15, 10; Іоа. 4, 11), или заботу о внѣшнихъ потребностяхъ (Рим. 4, 11) ²⁾. Это—*дѣло*

¹⁾ Термины: *διακονία*, *διακονεῖν*, *διάκονος* въ словоупотребленіи ап. Павла и Евангелія имѣютъ широкій смыслъ. Они прилагаются къ Иисусу Христу (Рим. 15, 8; Гал. 2, 17; Мк. 20, 28); затѣмъ въ апостольской церкви на всѣ службы, которыя исходятъ изъ харизмъ (духовныхъ дарованій) и осуществляются въ мощныхъ дѣяствіяхъ (1 Кор. 12, 6) или указываютъ на служеніе дѣломъ въ отличіе отъ служенія словомъ (Рим. 17, 7); въ примѣненіи въ власти какъ „слуга Божій (Рим. 13, 4). Въ особомъ примѣненіи къ христіанской общинѣ различаются три служенія: 1) апостолать (Рим. 11, 13; 1 Кор. 3, 5; 2 Кор. 3, 3. 69 и др.); 2) первые предстоятели общинъ (1 Кор. 16, 15); 3) благотвореніе (Рим. 15, 25. 31. 2 Кор. 8, 4; 9, 1. 12). См. Weizsäcker, Das apostolische Zeitalter der christlicher Kirche, Freiburg, 1892, ss. 616 и вообще весь его отдѣлъ 606 — 613, которымъ мы пользовались здѣсь, насколько нужно.

²⁾ Здѣсь умѣстно припомнить „Трифену и Трифозу, трудящихся о Господѣ, и возлюбленную Персиду, которая много потрудилась о Господѣ“, упоминаемыхъ въ посланіи къ Римлянамъ.

ихъ, совершенное ими для общины, и даетъ имъ право вразумлять общину и разсчитывать на преимущественное почитаніе со стороны ея; очевидно, что все здѣсь опирается на взаимной любви и довѣріи (ср. 5, 14,—гдѣ рѣчь идетъ о дѣятельности общины: „вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ“ и т. д., т. е. предствоятельство нѣкоторыхъ не уничтожало самодѣятельности общины даже въ отношеніи религіозно - нравственнаго самовоспитанія). „Трудящіеся у васъ“—этотъ терминъ естественно наводитъ на предположеніе, что предствоятелями или вообще лицами, несшими служеніе управленія, являлись люди, обращенные раньше въ христіанство и въ болѣе или менѣе продолжительное время потрудившіеся надъ сохраненіемъ общины, путемъ - ли мисіонерства, вразумленія словомъ или благотворительности,—старшіе члены общества и, потому, называемые (особенно въ послѣапостольскихъ источникахъ) *пресвитерами*. На такое происхожденіе этого рода служенія ясно указываетъ ап. Павелъ въ посланіи къ коринѣянамъ (I, 16, 14—16): „прошу васъ, братіе, вы знаете домъ Стефана, что онъ есть *начатокъ* Ахаіи и что они посвятили себя на *служеніе* святымъ,—будьте и вы почтительны къ таковымъ и ко всякому содѣйствующему и трудящемуся“. Мѣсто, очень важное, опредѣляющее, такъ сказать, общій принципъ положенія дѣла. Оно представляетъ собой не только полную параллель къ посланію въ Солунь, но дополняетъ и объясняетъ его. Почтеніе здѣсь, какъ и тамъ, мотивируется служеніемъ святымъ посредствомъ содѣйствія (матеріальной поддержкой) и труда (словомъ благовѣстія и вразумленія), и самое преимущественное положеніе Стефана и его дома объясняется тѣмъ, что онъ *начатокъ* вѣрующимъ въ Ахаіи т. е. принадлежитъ къ числу первыхъ увѣровавшихъ. Здѣсь съ особенной очевидностью открывается, что все дѣло идетъ не объ учрежденіи какой-либо новой должности, а о давно сложившихся фактическимъ отношеніяхъ, поддержать которыя только и стремится ап. Павелъ.

Совершенно понятно, что тамъ, гдѣ женщина первая приносила евангельское благовѣстіе въ извѣстную мѣстность или оказывалась первою обратившеюся ко Христу и собирала около себя болѣе или менѣе значительный кружокъ вѣрующихъ, она также естественно становилась во главѣ

своей общинѣ и являлась руководительницей ея, учительницей и предстоятельскою или пресвитершей. Въ качествѣ миссіонерши въ извѣстіяхъ апостольскаго времени особенно ярко обрисовывается Прискилла. Какъ мы видѣли, она вмѣстѣ со своимъ мужемъ дѣйствовала независимо отъ ап. Павла, предупреждая его благовѣстническіе подвиги и основывала домашнія церкви подъ своимъ руководствомъ въ разныхъ городахъ. О домашней церкви ¹⁾ ея въ Ефесѣ упоминаетъ ап. Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ (I, 16, 19); о домашней церкви въ Римѣ, устроенной еще ранѣе прибытія туда Павла, говоритъ его посланіе въ Римъ. Такъ дѣйствовать и поступать она могла только въ силу *высшаго* призванія, на основаніи харизмы, дарованной ей отъ Бога; иначе ап. Павелъ никогда бы не одобрилъ ея дѣятельность, но онъ не только одобрилъ ее, но и воздалъ ей такую хвалу и благодарность, какихъ не заслужилъ ни одинъ изъ мужскихъ его сотрудниковъ. Рядомъ съ Прискиллою нужно поставить Еводию и Синтихію въ Филиппахъ (4, 2. 3). Обѣ онѣ подвизались вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ въ благовѣствованіи (*ἐν τῷ εὐαγγελίῳ*) т. е. въ проповѣданіи слова Божія и были со-основательницами общины Филлипійской. Какъ старшіе члены и основательницы, они безъ сомнѣнія, занимали высокое положеніе въ общинѣ и пользовались сильнымъ вліяніемъ, такъ что ссора ихъ обратила на себя особое вниманіе апостола. Павелъ не говоритъ, въ чемъ заключался источникъ недоразумѣній, возникшихъ между ними, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ всей общинѣ, но его коротенькое увѣщаніе: „правильно мыслить о Господѣ (ст. 2)“, направленное по адресу этихъ женщинъ, показываетъ, что причина разногласія между ними лежала въ ученіи и проповѣди о Лицѣ Іисуса

¹⁾ Домашняя церковь (*ἡ κατ' οἶκον ἐκκλησία*)—не въ смыслѣ домашняго храма, а въ смыслѣ самостоятельной христіанской общины, прикрѣпленной къ извѣстному дому,—этотъ терминъ, конечно, мало понятенъ для нашего времени. Но въ апостольскій періодъ онъ обозначалъ собой явленіе довольно частое. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна 16-я глава посланія ап. Павла въ Римъ; здѣсь перечисляется цѣлый рядъ самостоятельныхъ группъ христіанъ, стоявшихъ подъ руководствомъ отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ домашней церкви Акилы и Прискиллы упоминаются: вѣрующіе изъ дома Наркисса (ст. 11), изъ дома Аристовула (ст. 10). Въ ст. 14 и 15 названы два собранія, во главѣ которыхъ стояло по пяти лицъ и къ которымъ присоединялись братья.

Христа. Отсюда видно, объ эти женщины не только содѣйствовали ап. Павлу въ первоначальной проповѣди и устроеніи филиппійской общины, но и по отбытіи его оставались учительницами новообращенныхъ. Были-ли Еводія и Сиятихія предстоятельницами отдѣльныхъ общинъ въ Филиппахъ, изъ словъ апостола это не видно, но по аналогіи съ Прискиллою, мы необходимо должны это признать въ отношеніи къ Нимфѣ съ ея домашней церковью съ Лаодикии, Хлои въ Коринѣхъ, стоявшей во главѣ группы вѣрующихъ, и римскихъ Юліи и сестрѣ Нереея, раздѣлявшихъ съ Филологомъ, Нереемъ и Олимпаномъ (16, 15) предстояние надъ одной изъ общинъ „святыхъ“, существовавшихъ въ Римѣ. Такое же положеніе занимала въ своей общинѣ, вѣроятно, и Фива, упоминаемая въ посланіи къ Римлянамъ (16, 1 — 2). Апостоль называетъ ее „діакониссою (*διάκονον*)“ церкви въ Кенхрейской, служительницей собранія въ коринѣскомъ приморскомъ городѣ Кенхреѣ, и хвалить за то, что она для него, Павла, и для многихъ другихъ была *προστάτις* — покровительницей. Приданный ей терминъ,—говоритъ Вейцзеккеръ, — обозначаетъ собой не должность попеченія о бѣдныхъ: она была покровительницей общины и ея положеніе было однородно съ положеніемъ Стефана. Кенхреа имѣла свое собственное собраніе: сюда вступали пріѣзжающіе съ востока и отсюда они уходили обратно; на этотъ обмѣнъ пріѣзжающихъ и гостепрѣимство и указываетъ апостоль 1).

Приведенныя сейчасъ основанія даютъ полное право къ тому заключенію, что и въ пресвитидѣ Епиктѣ, надпись которой найдена въ Терѣ, мы должны видѣть предстоятельницу мѣстной общины. Наименованіе „пресвитида“ показываетъ, что это была старѣйшая изъ членовъ Терской церкви, обращенная въ христіанство какимъ-либо странствующимъ апо-

1) Ss. 600. Ея покровительство, во всякомъ случаѣ, основывалось не на томъ, чтобы она была богатой женщиной, поддерживавшей общину изъ своихъ собственныхъ средствъ. Напротивъ, Фива была бѣдной, и апостоль ходатайствуетъ за нее предъ римскими христіанами, чтобы они помогли ей въ томъ, въ чемъ она будетъ имѣть нужду. Поэтому, ея служеніе (*διακονία*) вѣрнѣе полагать въ томъ, что она была предстоятельница общины Кенхрейской и подобно Стефану, представляла собой или первую увѣровавшую или основательницу общины Кенхрейской. (Прим. автора).

столомъ или евангелистомъ. Сдѣлавшись христіанкой, она продолжала дѣло благовѣствованія евангельскаго, приобрѣла новыхъ членовъ и составила изъ нихъ общину подъ своимъ руководствомъ и управленіемъ. Благодарные члены ея общины увѣковѣчили эту дѣятельность ея, соорудивши ей памятникъ съ надписью „пресвитида“, обозначающую выполненное ею служеніе.

Пресвитида Теры само собою объясняетъ и *εσπερ'ε* о. Родоса. Это была новообращенная женщина, быть можетъ только что вступившая въ общину и скончавшаяся въ молодыхъ лѣтахъ. Но наибольшій интересъ вызываетъ къ себѣ надпись съ именемъ евангелиста. Самый терминъ: „евангелистъ“ не требуетъ комментаріевъ. Это были странствующие харазматическіе проповѣдники евангелія, которыхъ Павелъ ставитъ, съ одной стороны, на ряду съ апостолами и пророками, съ другой—пастырями и учителями (Еф. 4, 11). Единственнымъ евангелистомъ, о жизни котораго исторія сколько-нибудь знаетъ, былъ Филиппъ, одинъ изъ семи мужей, избранныхъ іерусалимскою общиною во діаконы (Дн. 6, 5), отецъ четырехъ дочерей пророчицъ, дѣйствовавшій нѣкоторое время въ качествѣ евангелиста въ Кесаріи Палестинской (Дн. 21, 8. 9), и скончавшійся въ фригійскомъ городѣ Іераполѣ (Евс. Ц. И. Ш, 31). Теперь предъ нами другой евангелистъ, документально засвидѣтельствованный надписью, хотя и искаженной. Но этимъ еще не исчерпываются всѣ вопросы, вызываемые его личностію. Надпись даетъ всѣ основанія думать, что тотъ же самый евангелистъ въ началѣ надписи названъ: „архіереемъ Дафны и бога (какого?)“. Соединеніе языческой должности съ христіанскимъ титуломъ не представляетъ собой чего-либо страннаго, неслыханнаго. Извѣстно, что Монтанъ, основатель монтанистическаго раскола, до своего обращенія въ христіанство состоялъ жрецомъ сирійской богини Цибеллы, и хотя противники Монтана (Іеронимъ) ставили это въ упрекъ ему, но древніе христіане, сами обращавшіеся прямо изъ язычества, въ своемъ языческомъ прошломъ не могли видѣть ничего позорнаго. Святилище Аполлона и Дафны находилось предъ воротами Антиохіи, служившей главнымъ центромъ и разсадникомъ христіанства для Сиріи и Малой Азіи. Нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго въ томъ, что первосвященникъ Аполлона въ Дафнѣ, обратившійся въ

христіанство, пришелъ въ качествѣ миссіонера на о. Родосъ и здѣсь скончался. „Увы, несчастный!“—заключаетъ надпись, намекая, какъ думаетъ Ахелисъ, на его преждевременную кончину. Что касается до чтеца Хрисанфія, то о немъ можно сказать немного. Чтецы извѣстны съ древнѣйшаго времени и первоначально въ качествѣ лицъ, исполнявшихъ очень почетное служеніе въ общинѣ: они были проповѣдниками слова Божія и истолкователями писанія, занимавшими мѣсто пророковъ ¹⁾. Изъ самаго названія чтець нельзя дѣлать никакого заключенія о времени происхожденія надписи, но если принять во вниманіе окружающее его сообщество пресвитиды и евангелиста, то естественнѣе отнести ее къ древнѣйшей эпохѣ христіанства ²⁾. „Гдѣ вы найдете что-либо подобное,—воскликаетъ Ахелисъ,—вѣра въ ангеловъ и культъ героевъ, архіерей Дафны и евангелистъ и женщина во главѣ общины“! Если дать просторъ фантазіи, то можно нарисовать слѣдующую комбинацію: бывший жрецъ Аполлона въ Дафнѣ, обратившійся въ христіанство, приходитъ въ качествѣ евангелиста въ Теру, приобретаетъ Епикту и скоро умираетъ. Епикта продолжаетъ его проповѣдническую дѣятельность собираетъ около себя общину и управляетъ ей. Пресвитида и чтець,—это все, что и нужно было для самостоятельной общины въ первомъ и началѣ второго вѣка христіанства.

Комментируя свое слово: „евангелистъ“, и доказывая христіанское происхожденіе его, Ахелисъ имѣлъ неосторожность выразиться, что его заключеніе имѣетъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано существованіе языческаго евангелиста. За эту задачу взялся Дитерихъ и въ томъ же журналѣ ³⁾ помѣстилъ замѣтку, предлагающую совсѣмъ другое толкованіе его. Дитерихъ прежде всего иначе понимаетъ послѣднюю строчку его: вмѣсто *ὁ ἱερός εὐαγγελιστής* (священный евангелистъ) онъ читаетъ: *ὁ ἥρως εὐάγγ* (герой евангелистъ),

¹⁾ См. А. Harnack. *Über den Ursprung des Lectorats, Text. und Unters.* II, 5.

²⁾ Правда, палеографическія данныя заставляютъ отнести надпись къ позднѣйшему времени, но сами палеографы, изслѣдующіе надписи, сознаются, что, при новости дѣла, самыя основанія для хронологическаго распредѣленія надписей пока сомнительны.

³⁾ 1900, ss 336—338.

противъ чего едва-ли можно спорить ¹⁾. Но кто же разумѣется здѣсь подъ „героемъ евангелистомъ“? Извѣстно, что у грековъ было очень распространено почитаніе бога и героя Евангела; въ доказательство этого достаточно напомнить на свидѣтельство Гезихія, въ которомъ Евангелъ толкуется, какъ Ермъ, героя Евангела въ Ефесѣ и мѣсяцѣ *Εὐαγγέλιος* въ Смирнѣ, и въ особенности Евангела родоначальника жреческой фамилии евангелидовъ (*εὐαγγελίδαι*) при храмѣ Брагха въ Милетѣ, который былъ признанъ сыномъ бога и сдѣлался истолкователемъ оракула: „сдѣлалъ его Брагхъ провозвѣстникомъ (*ἄγγελον*) пророчествъ, назвавши Евангеломъ ²⁾“. Кромѣ того въ инвентарѣ, найденномъ на одной надписи въ Самосѣ значитъ ³⁾: „повязокъ семь: одну изъ нихъ имѣеть Евангелида (*ἡ Εὐαγγελίς*)“ и „два разукрашенные хитона Евангелиды (*τῆς Εὐαγγελίδος*)“. Не было никакой надобности при объясненіи надписи прибѣгать къ храму Аполлона и Дафны при вратахъ Антіохіи. Святилище Аполлона и при томъ Аполлона Пивійскаго ⁴⁾ существовало и на Родосѣ; вѣроятно, оно представляло собой оракульской храмъ, въ которой на ряду съ этимъ богомъ почиталась и Дафна. Упомянутый въ надписи архіерей и долженъ быть возвѣщателемъ этого оракула. Что онъ былъ героизированъ, это лежало въ обычаѣ грековъ. Такъ, Аристомохъ почитался въ Марæонѣ, какъ „герой врачъ“, и Ксенофону, врачу императора Клавдія, на Козѣ воздавали почести, какъ „герою благодѣтелю“.

Ахелись, насколько мы знаемъ, пока не отвѣчалъ на возраженіе Дитериха. Но какъ ни остроумно оно построено, оно едва-ли можетъ быть признано основательнымъ. Съ тѣмъ, что архіерей, упомянутый на надписи былъ истолкователемъ оракула при храмѣ Аполлона на островѣ Родосѣ, можно согласиться, но чтобы подъ евангелистомъ (*εὐαγγελιστής*) надписи разумѣлся именно членъ коллегіи жрецовъ „евангелидовъ (*Εὐαγγελίδαι*), этого доказать Дитериху не удалось. Тогда

¹⁾ При древности надписи прибавка: *ὁ ἱερός* совсѣмъ непонятн: а древніе христіане вообще избѣгали такихъ эпитетовъ.

²⁾ Konob, tah. № 44.

³⁾ Carl Curtius. Jnschriften und Studien zur Geschichte von Samos, Lübecker Progr. 1877; s. 21 und 38. U. Kohler, Athennische Mittheilungen, VII, 370.

⁴⁾ Ἀπόλλων Πιυίσιος, — см. J. Gr. № 25, 67 и index.

на надписи должно было бы стоять *Εὐαγγελὶς* или *Εὐαγγελίδης*, а никакъ не *εὐαγγελιστῆς*, терминъ, обозначающій опредѣленное христіанское служеніе. Что касается до прибавки „герой“, то такое смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ понятій не представляетъ собой чего-либо необычнаго послѣ надписи Руфины. Однако, прибавка: „герой“ допускаетъ и другое объясненіе. Неожиданное возваніе, заканчивающее надпись: „увы, несчастный“—не указываетъ-ли на тяжкую мученическую кончину этого перваго провозвѣстника евангелія на о. Родосѣ,—тѣмъ болѣе понятную, если онъ раньше служилъ жрецомъ при храмѣ, находящемся на томъ же островѣ, и проповѣдовалъ среди прежнихъ своихъ почитателей? Въ такомъ случаѣ судьба его дѣйствительно становится величественной и героичной! И тотъ христіанинъ, который на могильномъ памятникѣ его написалъ слово „герой“ и оплакалъ его, не хотѣлъ-ли только выразить этимъ свое удивленіе предъ геройской смертью его и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе о преждевременной гибели такого выдающагося дѣятеля?

А. Спасскій.